

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474

Научная статья

Новаторство писателя-билингва Эдуарда Мижита (тувинская поэзия)

У.А. Донгак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва
Республика Тыва, 667000, Кызыл, ул. Кочетова, д. 4

В статье рассматривается феномен билингвизма и новаторство поэта-билингва Эдуарда Мижита. Исследование проводится на основе произведений Э. Мижита (род. в 1961 г.), созданных им на родном тувинском и русском языках, а также самоперевода на русский язык. Становление Э. Мижита как поэта проходило в перестроечное время, творческая зрелость пришлось на постперестроечную и новую эпохи тувинской литературы. Его сочинения стали явлением в современной литературе Тувы: публикации в Антологии русского верлибра (1991), сборники верлибров на тувинском и русском языках («Бузундулар» («Осколки»), 1992; «Расколотый миг», 2011), сборник стихов в прозе «Казыргылыг кудуктуң кыйгызы» («Зов взвиренного колодца», 2002), многочисленные публикации его русскоязычных текстов в разных журналах и на литературных сайтах, творческое осмысление вечных образов и сюжетов мировой художественной культуры в контексте тувинской эстетики позволяют говорить о новаторской линии творчества писателя-билингва Э. Мижита.

Ключевые слова: тувинская литература, писатели-билингвы, поэзия, верлибр, стихи в прозе, диалог культур

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.02.2020

Дата принятия к печати: 29.05.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Донгак У.А. Новаторство писателя-билингва Эдуарда Мижита (тувинская поэзия) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 462–474. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474

© Донгак У.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

New Poetic Methods in the Literary Imagination of the Bilingual Writer Eduard Mizhit (Tuvan Poetry)

U.A. Dongak

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva
4, Kochetova Str., Kyzyl, 667000, Republic of Tuva

In this paper we are trying to comprehend the phenomenon of bilingualism translingual methods of the bilingual poet Eduard Mizhit in modern Tuvan poetry. The research is carried out on the basis of the works of the national writer of Tuva E.B. Mizhit (born in 1961), created by him in his native Tuvan and Russian languages, as well as his self-translation into Russian. E.B. Mizhit has started writing since the “rebuilding” Soviet period, his creative imagination is connected with the new era of Tuvan literature. His works have become a phenomenon in modern literature of Tuva: publications in the Anthology of Russian vers libre (1991), Collections of vers libre in Tuvan and Russian (Buzundular (Oskolki, 1992; Split Moment, 2011), Collection of verses in prose “Kazyrgylig kuduktuң kygyzy” (Call of a Whirling Well, 2002), publications of his Russian-language texts in various magazines and on literary sites, creative comprehension of eternal images and plots of world artistic culture in the context of Tuvan aesthetics allow us to speak about the innovative line of creativity of the bilingual writer E.B. Mizhit.

Key words: Tuvan literature, bilingual writers, poetry, vers libre, prose poetry, dialogue of cultures

Article history:

Received: 27.02.2020

Accepted: 29.05.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Dongak, U.A. 2020. “New Poetic Methods in the Literary Imagination of the Bilingual Writer Eduard Mizhit (Tuvan Poetry)”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (4), 462—474. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474

Введение

Наряду с такими феноменами тувинской культуры, как шаманизм, горловое пение хоомей, агальмотолитовые скульптуры малой формы, тувинская литература в контексте мировой художественной литературы представляет собой сложное синкретичное искусство, посредством которого происходит интенсивное развитие тувинского литературного языка.

Тувинская литература, как и все национальные литературы, входившие в многонациональную советскую литературу, с 1980—1990-х годов вплоть до начала 2000-х развивалась в условиях перестроечных изменений [1. С. 6]. В период

пересмотра многих идеологических позиций, в дни непростых, значимых для будущего общественно-политических, культурно-исторических перемен тувинская советская литература также оказалась на перепутье. Отказ от идеологического диктата советской цензуры, безоговорочное отрицание тувинской советской классики, тематическое обновление, введение новых художественно-образительных средств, новые имена, массовая литература — все метаморфозы обновления пережила в те дни тувинская художественная литература. В конце 1980-х годов в нее вошли новые имена, молодые авторы: Роман Лудуп, Эдуард Мижит, Артур Хертек, Борис Куулар, Сайлыкмаа Комбу, Урана Куулар. Ранее заявили о себе талантливые поэты нового поколения, свободные от идеологического диктата: Игорь Иргит, Антон Уержаа, Николай Куулар. В их творчестве рождалась новая эстетика, уже не принадлежащая полностью к соцреалистическому искусству. Среди новых авторов перестрочного времени смело и решительно выступил Эдуард Мижит. В его первых двух поэтических сборниках «Кезерниц балдызы» («Палица Гэсэра» (вошедший в поэтический сборник «Ростки», 1989) и «Бузундулар» («Осколки», 1992) перед читателями предстал поэт, отличающийся широким диапазоном поэтической лексики, набором традиционных и ранее не отмечаемых исследователями тувинской литературы поэтических средств и, что самое главное, необычной для тувинского читателя усложненностью поэтического дискурса.

Произведения Э. Мижита громко заявили о возможности освобождения тувинского художественного слова от тоталитарного, ограничивающего диктата вульгарного социологизма; о поэзии «чистого искусства», отличной от тенденциозности и привязанности к социально-историческим задачам общества; о введении новых форм художественного самовыражения, об отказе от эстетики соцреалистического искусства и открытии новых возможностей художественной парадигмы. К этим программным заявлениям, выраженным в творчестве молодого поэта, добавляется новое для того периода явление в тувинской литературе — художественное двуязычие, возможность самовыражения на двух языках — родном тувинском и русском. Владение обоими языками на высоком уровне позволяет писателю обращаться напрямую, без авторского перевода к таким формам поэтической саморефлексии, как философская лирика, где важнейшей составляющей является «настойчивое требование поэзии мысли» [2]. (На русском языке, в частности, пишут и другие авторы: С. Пюрбю, А. Даржай, М. Кенин-Лопсан, А. Ламажаа.)

В данной статье мы анализируем произведения Э. Мижита раннего периода его творчества, поднимая вопрос о новаторстве автора, сумевшего разработать собственный художественный метод.

Теоретической основой для исследования являются работы А.С. Арутюнова «Билингвизм и бикультурализм», Ш.А. Мазанаева «Двуязычное художественное творчество», статьи К.К. Султанова, С.Ж. Балданова, У.М. Бахтикиреевой и др. Анализ произведений Э. Мижита (М.А. Хадаханэ, Л.С. Дампилова, А.Л. Кошелева, А.М. Соян, Л.С. Мижит и Ш.А. Монгуш) обнаруживает в творчестве этого писателя новаторский подход к выбору тематики, стиля, формы. «Пыталась по-

нять ускользающий от меня смысл, сравнивать со всем, что читала прежде...» — так пишет о своем первом впечатлении известный тувинский литературовед М.А. Хадаханэ. Опираясь на его рукопись еще не изданной книги, она так излагает в статье 1994 г. программное заявление Э.Б. Мижита: «...автор говорит о кризисе литературы, угасании лирики, сумерках культуры. Констатирует, что полностью отработаны все приемы, жанры, темы; колодец исчерпан — все написано, нам идеально подходит состояние человека в момент смерти, когда перед взором проносится вся жизнь — свободная игра метафор, попытка сжать время в один миг. Каждое слово у Э. Мижита — букет ассоциаций, он хочет сказать миру свое неведомое миру слово, он готовит нам маленькое чудо — переход в иное высокое качество. Стихи его летучи, легкокрылы, но в них много второго-третьего смысла — бесконечный увлекательный кроссворд» [3. С. 4].

Л.С. Дампилова, обращаясь в сравнительном плане к теме писателей-билингвов в тувинской и бурятской литературах и обнаруживая здесь определенные структурно-смысловые особенности поэзии Э. Мижита и А. Улзытуева, пишет, что Э. Мижит создает свои произведения на русском и родном тувинском. А. Улзытуев, прекрасно владея родным бурятским, пишет в настоящее время только на русском. Л.С. Дампилова рассуждает о «поисках единства с русской литературой», о «сложном пути этнического самосознания» [4. С. 201] и о том, что у Э. Мижита «иначе кодируется весь мир носителя “азиатского” сознания и естественной становится утеря национальных художественных образов», что он, «возможно, изыскивая новые формы стихосложения, близкие к национальным структурам», обратился к верлибру [4. С. 198]. Л.С. Дампилова резюмирует, что в творчестве двух поэтов-билингвов происходит генерация «новых оригинальных художественных образов» [2. С. 201].

Л.С. Мижит, исследуя творчество Э. Мижита, подчеркивает, что поэт «предлагает видеть в каждом, даже самых маленьких — вещи, явлении, событии что-то большее, значительное. Каждое явление одновременно является и уникальным в своем роде, и частью единого целого на основе всеобщей взаимосвязанности всего мира» [5. С. 30].

Продолжая линию исследований наших коллег, мы намерены рассмотреть, в чем же проявилось новаторство поэта Э. Мижита.

Методологию изучаемого вопроса составляют положения исследователей, посвятивших свои работы феномену билингвизма в национальных литературах России. С.А. Арутюнов, изучая равноценное владение двумя языковыми системами как в лингвистическом, так и в культурном плане, вводит в исследовательский дискурс понятие «аккультурация» — явление, отличное от ассимиляции и свидетельствующее об усвоении новой культуры и языка без сколько-нибудь существенного ущерба для родной [6. С. 8]. Для исследования творчества писателя-билингва Э. Мижита, на наш взгляд, не менее важен взгляд Ш.А. Мазанаева на данную проблему в контексте советской многонациональной литературы: широкое развитие национально-русского двуязычного литературного творчества — явление вполне закономерное в системе национальных литератур, возникшее как результат тесного взаимодействия литератур разных народов, «исторически

имеющих общую судьбу» [2. С. 43]. Необходимо подчеркнуть, что именно двуязычное художественное творчество способствует сохранению единого литературного и культурного пространства, о чем пишет С.Ж. Балданов [7. С. 4]. И если, как пишет Мазанаев, двуязычное творчество на территории бывшего СССР получило широкое распространение в 1960—1980-е годы, то в творчестве Э. Мижита, судя по его публикациям, художественный билингвизм активизируется с начала 1990-х.

Принципально важны для исследования творчества тувинских писателей-билингвов выводы К.К. Султанова о русскоязычной национальной литературе России как факторе национально-литературного самоопределения, как возможности «жизненно важного расширения читательской аудитории», открытости, мобильности национальных литератур и, что не менее важно, «выхода за пределы национального канона ради новой креативности» [8. С. 155—157]. Об образовании нового культурно-языкового пространства, изменении мировоззрения писателя-билингва, о глобальном характере культурных концептов, заложенных в произведениях двуязычных авторов, пишет У.М. Бахтикиреева [9. С. 11]. Писатель-билингв является выразителем двух языковых картин мира, процесс создания художественного произведения является результатом колоссальной работы творческого билингвального сознания, творчество писателя-билингва способствует самосохранению культуры и, более того, ее ревитализации [10. С. 62].

Обсуждение

Первый сборник молодых авторов, куда вошел цикл стихов Э. Мижита «Өзүмнер» («Ростки»), включает стихотворение «Кезерниң балдызы» («Палица Гэсэра»). Молодой автор пишет здесь о том, каким представляли наши предки мироздание:

Говорят, что высоко в небе сидит Хайыракан, создавший Вселенную, и его сущность — Гэсэр, Чингис, Амырсанаа — одно имя, одно божество, одна мысль — это он сам.

(...бедик дээрде Каптагайны бодараткан Оран Делегей Хайыракан оран джир. А оон боду — Кезер, Чингис, Амырсанаа(да) — ады чаңгыс, чаңгыс бурган, чаңгыс бодал болу берген — ол-дур джир...) [11. С. 88].

Так поэт с позиции современного человека объясняет древние представления тувинцев о мире. Эта мысль поэта очень близка христианскому пониманию «разных проявлений ипостаси Создателя»: так соединились в тувинском художественном слове европейский взгляд на мир (христианские воззрения) и азиатское мировосприятие (шаманские воззрения). В произведениях этого периода читатели слышали программные заявления Э. Мижита о стремлении на родном тувинском языке выражать сложнейшие философские понятия о жизни, познании мира, духовном и насущном, вооружившись теорией литературного творчества, культурными достижениями мировой художественной культуры.

В стихотворении «Бирги чалгыг» и его варианте на русском языке «Первая волна» [12. С. 372—374] перед читателем развертывается состояние, ранее никогда не описываемое в тувинской литературе: «... “бар-дыр мен” деп билгеним ол...»

(*досл.* я осознал, что я существую). В авторском русскоязычном поэтическом тексте: «я понял вдруг, что существую...». В этом произведении лирический герой, точнее, лирическое Я открывает для себя и в себе другой, новый, скрытый от других мир. Он открылся полуторагодовалому малышу в расщелине треснувшего на части мира. В этой тайне, отраженной в первой мысли, в бабочках и воробье, в мире, существовавшим в герое и отдельно от него одновременно, временами даже перетекавшем плавно одно в другое, читатель может найти размышления лирического Я о сущности вещей, бытия и его познаваемости. В тувинском тексте сразу выделяются особой смысловой нагруженностью слова и выражения: *медерелим* (мое сознание), *бар-дыр мен* (я существую), *бирги бодал суунга дүжүп өлүр частым* (*досл.* я чуть не утонул в водах первой мысли), *өртөмчөй-даа аңгы-дыр деп* (авторский русскоязычный текст: вселенная вовне), *Чамбы-дипти тиглиг чарык өттүр эртти* (*досл.* расщелина расколола вселенную на части; авторский текст: треснул мир), *делегейге тудуш хиним* (*досл.* соединен пуповиной с миром, ср. тувинский традиционный текст: *черим-биле хиним тудуш, чонум-биле хиним тудуш*; *досл.*: соединен пуповиной с землей родной, с народом... и т.д.), *ала-чай-гаар бот-бодувусче агып кирип чордувус чоп...* (авторский текст: друг в друга плавно мы перетекали), *сагыжымның чаа тепкен тепкези дээш* (авторский текст: За ту ступень, куда душа взошла), *кээргел чок тиг ынай чүрээм кежир эрти* (*досл.*: беспощадная трещина прошла по моему крохотному сердцу; авторский текст: та трещина прошла по крохотному сердцу, как расплата, «*Өртөмчөй-даа, күжүр бот-даа ылгалдыг деп*» (авторский текст: Что мир и я не так уж вовсе слитны) и т.д. [12].

Здесь читатель открывает для себя мир философской кантовской теории познания, понимания своего Я, самосознания, реальности, сомневающегося и мыслящего Я, восприятия внешнего мира и т.д. Безусловно, такая поэзия отлична от философской лирики о смысле жизни и смерти, о вечном и насущном и др. Философия, облеченная в поэтическое слово, — такова новая поэзия Э. Мижита. Новое слово требовало новых форм художественного самовыражения. И здесь главным «персонажем» оказывается верлибр.

Э. Мижит внедряет в силлабическую систему тувинского стихосложения верлибр. Его форма — это поэзия свободного композиционного построения, не ограниченная определенным размером, формой строфы, начального и конечного созвучия стихотворных строк. Верлибр Мижита в его поиске нового обращен все же к традиции, истокам. Так, стихи шаманских песнопений, названные М.Б. Кенин-Лопсаном «шаманской поэзией», отличаются стремлением к равносложности; более 70% анализируемых строк показали наличие равносложного (изо-силлабического) и стремящегося к равносложности стиха, и основой этой традиционной канонизированной равносложности являются двусложные слова. В верлибре Э. Мижита мы отмечаем эту приверженность к двусложным словам. Кроме того, базисным (потому что скрепляет, цементирует стих) средством организации тувинского традиционного стиха является начальная рифма (аллитерация). Обозначаемая исследователями как анафора (начальное созвучие), эта форма звуковой организации тувинского стиха все же проявляется (с разной степенью интенсивности) в верлибре Э. Мижита. Повторы способствуют появлению

начального созвучия. Шаманский стих отличается разнообразием строфических форм. Но если в одном шаманском алгыше, как правило, отмечается единообразиие строф (только восьмистишные или только шестистишные, двустистишные), то тувинский верлибр Э. Мижита показывает нам примеры разных строф в одном произведении, что чаще всего присуще стиху тувинских благопожеланий — *йорээл*.

Верлибр Э. Мижита, как это было изначально задано формой стиха, не есть отсутствие любого вида организации, порядка, формы. Его верлибр — при отказе от традиционных форм организации стиха — все же содержит разные формы построения стиха, но в свободном его варьировании, как более точное выражение авторской мысли, не скованной формой или заданным художественным образом. В следующем верлибре в разных по объему строфах (восьмистишие, шестистишие, семистишие) количество слогов в стихотворных строках также свободно изменяется, но нерв стиха держится за счет то появляющегося, то исчезающего (как в благопожелании — *йорээл* или героическом сказании *маадырлыг тоолдар*) начального созвучия. Стих получает определенную долю свободы за счет использования слов разного слогового состава, хотя двусложные слова все же превалируют:

Кандыг үениң,
кандыг амыдыралдың,
кандыг...
(чүгле уйгу-дүшке
хензиг кады кире хонар)
сеткил-сагыштың
бузундузу
кижи боор мен?

Какого времени,
какой жизни,
какой...
(лишь на мгновенье
появившись во сне)
души
осколком
являюсь я?

Араңарга
чурттаксааштың,
пат-ла болдум...
аажыңарга
тааржып чадааш,
пат-ла болдум...

Среди всех вас
так хотел я жить,
напрасно...
вашим нравам
не смог я привыкнуть
напрасно...

Өңнүг шил дег,
өске өңнүг бодалдарлыг,
өске үннүг чугааларлыг,
өске...
(өөдежок чааскаанзыргай
багым ыйнаан)
кижи болганым ол бе?
[13. С. 13—14]

Словно цветное стекло,
С мыслями совсем другого цвета,
с разговорами совсем другого толка (голоса)
неужели другим...
(одинокество полюбившим, никчемным,
и в этом моя беда)
человеком я оказался?
(Подстрочный перевод наш. — У.Д.)

Общепринятые формы стихотворного повествования — это, безусловно, восьмисложник и двенадцатисложник, сменяющиеся четырехсложными стихотворными строками. В следующем произведении поэта Ч. Доржу — стихотворном

эпическом повествовании древнего мифа — поэт повествует словно сказитель, добавляя личностную позицию, свой личный взгляд:

Чеди-Хаан

Эрте шагда чурттап чораан,
Эви багай алышкылар дугайында,
Авам шаанда, бичиивисте, тоол ыткан.
Амдыгаа дээр ону бо-ла сактып кээр мен:
Шыяан ам!...
[14. С. 27]

Семь-Ханов (Большая Медведица)

В давние времена жили братья, что ссо-
рились вечно,
О них моя мама своим малышам
сказку поведала.
До сих пор ее часто я вспоминаю:
Шыяан ам!...
(Подстрочный перевод наш. — У.Д.)

В этой традиционной манере повествования восьмисложным и двенадцатисложным стихом было написано немало прекрасных произведений. Но вот поэты начали искать возможности поэтического слова, которые не сковывали бы поэтическую мысль восьми- и двенадцатисложным каноническим размером. И таким освобождающим от оков канона средством стал верлибр, введивший шести-, семи-, девяти-, десяти-, одиннадцатисложные размеры стихотворных строк, как это было продемонстрировано в сборнике Э. Мижита «Бузундулар». Когда этот поэтический сборник вышел из печати, многие читатели, сначала восприняв стих («Удивительно, прекрасно, по-новому!»), потом засомневались: «Как же долго продержится это новшество в тувинской поэзии, станет ли художественным выразителем тувинского слова, выразителем глубоких размышлений и способствует ли поэтическому самовыражению на тувинском языке?» Сегодня мы можем констатировать, что тувинский верлибр закрепился в тувинской поэзии, свидетельством чему служит появление верлибров новых авторов. На наш взгляд, тувинский верлибр, введенный в 1990-е поэтом Э. Мижитом в поэтическом сборнике «Бузундулар» («Осколки»), обращен в своем противопоставлении и отказе от канонизированного стиха, в выборе средств стихотворной организации к традиционным формам стиха.

Новаторство поэта Э. Мижита проявилось прежде всего в том, что он стал первым поэтом, заговорившем на русском языке — языке, открывающем тувинское поэтическое слово для других народов. В тувинской литературе 1970-е были отмечены опытом использования русского языка как языка поэтического творчества (Сергей Пюрбю, Игорь Иргит). Но такой феномен двуязычного творчества, когда писатель при создании произведения каждый раз выбирает язык художественного самовыражения и уровень владения обоими языками (родным тувинским и русским) очень высок, в тувинской литературе связан с именем Эдуарда Мижита. Художественный билингвизм как двуязычное литературное творчество широко распространен в мировой литературе, более того, исследователи обнаруживают в художественном билингвизме возможность возрождения, сохранения и развития (ревитализация) культуры (и языка). В тувинской литературе такой потенциал заложен в творчестве писателя-билингва Эдуарда Мижита, русскоязычного автора Саяны Ондур, опытах Романа Лудупа и авторском переводе М. Кенин-Лопсана, А. Ламажаа (хотя С. Ондур и Р. Лудуп в настоящий момент все реже публику-

ются на русском языке). Одним из ярких представителей полилингвизма в тувинской литературе является писатель, рожденный в предгорьях великого Алтайского нагорья (Северо-Западная Монголия, сумон Цэнгэл), получивший образование в Германии, Чинаг Галсан (Иргит Шынакбай оглу Калзан), чьи произведения в немецкоязычном, монголоязычном и тувиноязычном оригинале сегодня печатаются на многих языках мира [15; 16]. О двуязычии в литературном творчестве Ч. Айтматов пишет: «Это чрезвычайно интересная внутренняя работа писателя, ведущая, по моему убеждению, к совершенствованию стиля, к обогащению образности языка» [цит. по: 17]. Э. Мижит, будучи студентом Литературного института им. М. Горького, стал одним из авторов Антологии русского верлибра (1991). Этой публикацией на русском языке в тувинской литературе был отмечен двуязычный автор, свободно говорящий и пишущий на обоих языках [18].

В тувинской литературе появился свой «посол мира» — без перевода, напрямую, через посредство русского языка представляющий свой народ и его культуру, и этот факт также является свидетельством культурных достижений тувинского этноса: тувинский литературный язык, созданные на нем художественные произведения, переводы мировой художественной литературы на родной тувинский язык, переводы тувинской литературы на русский и другие языки мира. Например, чтобы начать перевод какого-либо произведения, мы отбираем лучшее, наиболее точно и полно выразившее то или иное явление в жизни. Таковы переводы классических произведений тувинской литературы, например «Ангыр-оолдун тоожузу» С.А. Сарыг-оола («Повесть о светлом мальчике» в переводе М. Ганиной). Вот как заговорила на русском языке героиня эпического сказания «Кан-Кыс» Владимира Серен-оола в устах А.В. Преловского:

... Это не понравилось Кан-Кыс:
самого настырного быка
ухватила за рога она,
выволокла вон из шалаша,
как теленка малого, и там,
шею мощную быку согнув,
как рога держала, так рывком
в землю их по корень вогнала...

[19].

Традиционный образ тувинской поэзии — улетающие журавли, навевающие печаль, тоску по родне, по любимой; это символ расставания. В стихотворении Э. Мижита, вошедшем в Антологию русского верлибра, налицо углубление этого образа, в краткости, почти аскетичности образа мы вдруг обнаруживаем сопряженность мысли и сердца:

Мысль

Какая-то мысль
стрелю пронзила мой мозг.
И я потянулся к бумаге,
и рука дрожала при этом,
словно была оперением
этой стрелы.

Видно,
наша странная
необъяснимая
грусть
сгущает воздух
и служит хорошей опорой
для крыльев
улетающих журавлей. [Цит. по: 1]

Стих верлибра построен на повторах, в 1-й строфе лексико-интонационные повторы: стрела — стрелы, и я — и рука; во 2-й строфе звуковые: нАша — стрАн-ная — необъяснимАя, ГруСТЬ — слУжит — сГУщает — воздУх — Улетающих. Здесь, в русскоязычном верлибре Э. Мижита, мы видим использование совершенно других художественных средств построения стиха, отличного от тувинского верлибра Э. Мижита.

Монгуш Ш., анализируя творчество Э. Мижита, обнаруживает некую парадигму, через которую мы видим этот мир, — «двуслойность», «внутренний скрытый смысл» — «чажыт агым» (*досл.* скрытое течение), требующую более пристального взгляда читателя, концентрации мысли, сотворчества [20. С. 4]. Об этом пишет и Л. Мижит и М.А. Хадаханэ. Как известно, при такого рода отношениях между автором и читателем наблюдается относительная равноправность между коммуникантами; читатель, интерпретируя художественное произведение, созидает его, является его *сотворцом*. Это особое качество произведений Э. Мижита — явное новшество в тувинской литературе, во многих своих эстетических принципах остающейся в традиционном русле канонизированных форм и образов. Новаторство писателя Э. Мижита, стремящегося — особенно на начальном этапе своего творческого пути — заключается в отказе от канонизированных форм, созидании новых форм творческого выражения. В данном случае писатель, требовательный к себе, настолько же требователен к читателю: он ожидает отклика, понимания подготовленного адресата. Так художник воздействует не только на чувства и ум читателя, но и его внимательность, любознательность, сопричастность высказанному писателем. Более тридцати лет Э. Мижит творит на ниве тувинской литературы; его писательская деятельность высоко оценена в Тыве и России: он награжден почетным званием Народного писателя Республики Тыва, интерес литературоведов к анализу его проведений все более усиливается.

Философская лирика Э. Мижита вводит в тувинскую литературу, ее культурное и интеллектуальное пространство сложные философские понятия: Вечность — *Мөңге өй, мөңге үе*; Время — *Үе*; Истина — *Алыс Шын, Дээди Шын, Өндүр Шын*; Пробуждение — *Оттуушкун*; Мечта и Жизнь — *Күзел биле Амыдырал*; Я — *Мен*; Вселенная, космос — *Октаргай*; Свет и Тьма — *Чырык биле Дүмбей*; Человек — *Кижиги*; Вечная Тьма — *Мөңге Дүмбей*; Вечное Небо, вечный сон, вечная ночь — *Мөңге Дээр, мөңге дыш, мөңге дүн*; Синее Небо, Священное Небо — *Көк Дээр, Ыдык Дээр, Кудай, Курбусту*; Земля, Огонь, Солнце — *Чер, От, Хун*; Божество, Милостивый Создатель, Божество Тенгри, Небо-Отец — *Бурган, Хайыралыг Чаяакчывыс,*

Деңгер Бурган, Дээр-Ада; Бездна-Клевета и высокая Правда (истина) — Тамы-нугул биле бедик Шын; Справедливость, Сострадание, Любовь, Истина — Чөптүг чүүл, Энерел, Ынакшыл, Алыс Шын (Шын), Ынакшыл, Шын; Красота, Добродетель — Чараш, Буян; Неизвестное — Билдинмес и т.д., в стихотворении «Даштар» («Камни»):

Амыдырал,
Өлүм,
Мөңгө Үе
болгаш-даа хөй
чажыт долган,
тозан тос каыт
хана-биле камгаланган
Алыс Шын бар.
[21. С. 7]

Жизнь,
Смерть,
Вечность
и многое другое
исполнено тайны,
и существует охраняемая
стенами в 99 слоев
Истина.
(Подстрочный перевод наш. — У.Д.)

Философская лирика, призванная активизировать в сознании человека вопросы бытия, истоков его существования, смысла жизни, истинности и ложности Жизни и Человека — особенно активна в сложную переходную эпоху. В начале 1980-х годов новое поколение поэтов интенсивно работало в этом направлении: так появились, например, философская лирика Николая Куулараа, антиутопическая поэма Антона Уержаа, поэзия Алексея Бегзин-оола о поиске духовных основ и др. Эдуард Мижит продолжает эту творческую линию. В его основе его художественного метода — новаторские для тувинской поэзии формы стиха — верлибр, стихи в прозе: философская мысль в поэтическом изложении, поэмы-размышления, историко-философская поэма «Субедей», новая интерпретация лирического Я и т.д.

Заключение

В произведениях тувинского писателя-билингва Э.Мижита сам факт двуязычного литературного творчества является новаторством — это переход в иное качество, порождение нового художественного текста, усложненного философской парадигмой мировой художественной культуры. Углубление традиционных образов, философская мысль в поэзии, ориентация на верлибр располагают к поискам новых поэтических форм, отличных или менее привязанных к традиционным темам и интерпретациям, канонизированному стиху тувинских поэтов. Билингвальное творчество Э. Мижита способствует активации скрытых возможностей, потенциала родного слова.

Список литературы

1. Кременцов Л.П., Алексеева Л.Ф., Колядич Т.М. и др. Русская литература XX века: в 2 томах. Т. 1. 1920—30-е годы : учеб. пособие. М., 2005.
2. Мазанаев Ш.А. Двуязычное художественное творчество : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1997.
3. Хадаханэ М.А. Странный поэт Мижит // Тув. правда. 1994. 6 янв. С. 4.

4. Дампилова Л.С. Феномен билингвизма в современной поэзии народов Сибири // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 196—202.
5. Мижит Л.С. Эдуард Баирович Мижит // Летопись Тувы — 2011 г.: Историко-краеведческий альманах. Кызыл, 2010. С. 29—30.
6. Арутюнов А.С. Билингвизм и бикультурализм // Советская этнография. 1978. № 2. С. 3—14.
7. Балданов С.Ж. Формула единства сибирских национальных литератур и формы междилитературных коммуникаций // Сибирь — единое фольклорно-литературное полиэтническое пространство. Ч. I. Вып. I. Улан-Удэ : Буряад унэн, 2005. 180 с.
8. Султанов К.К. Русскоязычная литература как культурный феномен и объект исследования // Stephanos. 2016. № 3 (17). С. 154—162.
9. Бахтикиреева У.М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
10. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Транслингвизм и ревитализация культуры // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. Т. 8. № 1. С. 57—63.
11. Мижит Э. Кезерниц балдызы // Бузундулар. Кызыл, 1992.
12. Мижит Э. Бирги Чалгыг — Первая волна // Тыва шүлүк чогаалының антологиясы — Антология тувинской поэзии. Кызыл : Правник+, 2014. (на тув. и рус. яз.)
13. Мижит Э. Өске // Мижит Э. Бузундулар. Кызыл, 1992.
14. Доржу Ч. Чеди-Хаан // Доржу Ч. Ай чаазында йөрээл: шүлүктер. Кызыл, 1990.
15. Мөңгүн дагна: Сенгел тываларының аас чогаалы болгаш чечен чогаалы / сост., вступит. статья и научная паспортизация Донгак У.А. Улаанбаатар-Кызыл, 2013.
16. Подношение в серебряной чаше: сб. фольклора и литературы тувинцев Цэнгэла (Монголия) / сост. У.А. Донгак. Новосибирск : Наука: НГОПО Союза писателей России, 2018.
17. Юмаева Л.А. Отражение двуязычия в художественной прозе Ч.Т. Айтматова. URL: http://www.rusnauka.com/7_NITSB_2012/Philologia/6_103672.doc.htm (дата обращения: 15 октября 2020).
18. Антология русского верлибра, 1991 г. anthology.karendjangerov.com (дата обращения: 2011).
19. Серен-оол В. Каң-Кыс: Маадырлыг тоожу-тоол — Кан-Кыс: героическое сказание / пер. А. Преловского. Кызыл, 1991. (на тув. и рус. яз.)
20. Монгуш Ш.А. «Чажыт агымның» чажыды: Э. Мижиттин шүлүк чогаалының дугайында // Тыв. аныяктары. 2003. Сент. 25. А. 4.
21. Мижит Э. Даштар // Мижит Э. Бузундулар: шүлүктер. Кызыл, 1992.

References

1. Russkaya literatura XX veka v 2-h tomah. 2005. T.1. 1920-30-ye gody. Ucheb. pos. (Eds: L.P. Kremencov, L.F. Alekseeva, T.M. Kolyadich i dr.). Moscow. Print. (In Russ.)
2. Mazanaev, Sh.A. 1997. “Dvuyazychnoe hudozhestvennoe tvorchestvo”. Candidate Dis.in Philolog. Moscow. Print. (In Russ.).
3. Hadahane, M.A. 1994. “Strannyj poet Mizhit”. Tuv. Pravda, Jun. 6. P. 4. Print. (In Russ.)
4. Dampilova, L.S. 2015. “Fenomen bilingvizma v sovremennoj poezii narodov Sibiri”. Sibirskij filologicheskij zhurnal 3: 196—202. Print. (In Russ.)
5. Mizhit, L.S. 2010. “Eduard Bairovich Mizhit” in Letopis’ Tuvy — 2011 g.: Istoriko-kraevedcheskij al’manah. Kyzyl. Pp. 29—30. Print. (In Russ.)
6. Arutyunov, A.S. 1978. “Bilingvizm i bikul’turalizm”. Sovetskaya etnografiya 2: 3—14.
7. Baldanov, S.Zh. 2005. “Formula edinstva sibirskih nacional’nyh literatur i formy mezhliteraturnyh kommunikacij” in Sibir’ — edinoe fol’klorno-literaturnoe polietnicheskoe prostranstvo. Ch. I. Vyp. I. Ulan-Ude: GUP ID «Buryaad unen». Print. (In Russ.)
8. Sultanov, K.K. 2016. “Russkojazychnaya literatura kak kul’turnyj fenomen i ob»ekt issledovaniya”. Stephanos 3 (17): 154—162. Print. (In Russ.)
9. Bakhtikireeva, U.M. 2005. “Hudozhestvennyj bilingvizm i osobennosti russkogo hudozhestvennogo teksta pisatelya-bilingva”. Dr. Dis. (Thesis) in Philology. Moscow. Print. (In Russ.)

10. Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2016. "Translingvizm i revitalizaciya kul'tury". Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika 8 (1): 57—63. Print. (In Russ.)
11. Mizhit, E. 1992. "Kezerniң baldyzy" in Buzundular. Kyzyl. Print. (In Tyv.)
12. Mizhit, E. 2014. "Birgi Chalgyg — Pervaya volna" in Tyva shylyk chogaalynun antologiyazy — Antologiya tuvinskoj poezii. Kyzyl: Pravnik+. Print. (In Tyv; in Russ.)
13. Mizhit, E. 1992. "Øske" in Buzundular. Kyzyl. Pp. 14—15. Print. (In Tyv.)
14. Dorzhu, Ch. 1990. "Chedi-Haan" in Aj chaazynda joreel: shylykter. Kyzyl. Pp. 27—28. Print. (In Tyv.)
15. Мөңгүн дагша: Сеңгел тываларунуң аас чогаалы болгаш чечен чогаалы. 2013. Ed. by Dongak U.A., Samdan Z.B., Bayarsajhan B., Dongak A.S., Salchak V.S., Mizhit E.B., B. Bayarsajhan. Ulaanbaatar-Kyzyl. Print. (In Tyv.)
16. Podnoshenie v serebryanoj chashe: sbornik fol'klora i literatury tuvincev Cengela (Mongoliya). 2018. Edited and translated by Z.B. Samdan, B. Bayarsajhan, U.A. Dongak, A.S. Dongak, E.B. Mizhit, V.S. Salchak. Novosibirsk: Nauka: NGOPO Soyuzа pisatelej Rossii, 2018. Print. (In Russ.).
17. Yumaeva, L.A. Otrazhenie dvuyazychiya v hudozhestvennoj proze Ch.T. Ajtmatova. Web. URL: http://www.rusnauka.com/7_NITSB_2012/Philologia/6_103672.doc.htm (Access: 15.06.2020).
18. Antologiya russkogo verlibra. Web. URL: anthology.karendjanirov.com (Access: 2011).
19. Seren-ool, V. 1991. Каң-Кыс: Маадырлыг тоозху-тоол — Kan-Kys: geroicheskoe skazanie. Per. A. Prelovskogo. Kyzyl. Print. (In Tyv., in Russ.)
20. Mongush, Sh.A. 2003. "«Chazhyt агымнун» chazhydy: E. Mizhitiң shylyk chogaalynun dugajynda". Tyv. anyyaktary. Sen. 25. Print. (In Tyv.)
21. Mizhit, E. 1992. "Dashtar" in Buzundular: shylykter. Kyzyl. Print. (In Tyv.)

Сведения об авторе:

Донгак Уран Алдын-ооловна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник группы литературоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. E-mail: uranda@yandex.ru

Bio Notes:

Uran A. Dongak is a Candidate of Philology, Leading Researcher, Group of literary criticism, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. E-mail: uranda@yandex.ru